

Всероссийская олимпиада школьников по литературе

Рязанская область, г. Рязань

Школьный этап

2024/2025 учебный год

9 класс

Задания

№ задания	1	2	Сумма
Макс. балл	70	30	100
Балл	50	0	50

Подпись проверяющего _____



Задание 1. Аналитическое задание.

Выполните целостный анализ одного из предложенных произведений. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Вы можете выбрать любой собственный путь анализа. Обратите внимание на следующие особенности содержания и формы (поэтики) произведений: тема, идея, авторский взгляд на ситуацию; сюжетно-композиционные особенности; система образов, интертекстуальные переключки. Целостный анализ текста не требует полного описания всех структурных уровней (от фонетической стороны до раскрытия интертекстуальных связей), важно раскрыть смысл произведения через значимые аспекты его художественной структуры. Работа должна представлять собой цельный, связный завершённый текст. Рекомендуемый объём – 300-400 слов.

Вариант 1

Василий Шукшин «Крепкий мужик»

В третьей бригаде колхоза «Гигант» сдали в эксплуатацию новое складское помещение. Из старого склада — из церкви — вывезли пустую вонючую бочкотару, мешки с цементом, сельновеские кули с сахаром-песком, с солью, вороха рогожи, сбрую (копей в бригаде всего пять, а сбруи напшто на добрых полтора десятка; оно бы ничего, запас карман не трет, да мыши окажные... И дегтярили, и химией обеспиали сбрую — грызут), метла, грабли, лопаты... И осталась она пустая, церковь, вовсе теперь никому не нужная. Она хоть небольшая, церковка, а оживляла деревню (некогда сельно), собирала ее вокруг себя, далеко выставляла напоказ.

Бригадир Шурыгин Николай Сергеевич постоял перед ней, подумал... Подошел к стене, поколунал кирпичи подвернувшимся ломиком, закурил и пошел домой. Встретившись через два дня с председателем колхоза, Шурыгин сказал:

- Церква-то освободилась теперь...
- Ну.
- Чего с ней делать-то?
- Закрой, да пусть стоит. А что?

— Там кирпич добрый, я бы его на свинарник пустил, чем с завода-то возить.

— Это ее разбирать — надо пятерым полмесяца возиться. Там не кладка, а литье. Черт их знает, как они так клали!

— Я ее свалию.

— Как?

— Так. Тремя тракторами зацеплю — слетит как мишенька.

— Попробуй.

В воскресенье Шурыгин стал пробовать. Подогнал три могучих трактора... На разной высоте обвели церковку тремя толстыми тросами, под тросы — на углах и посреди стены — девять бревен...

Сперва Шурыгин распорядился этим делом, как всяким делом, — крикливо, с матерщиной. Но когда стал сбегаться народ, когда крутом стали ахать и охать, стали жалеть церковь, Шурыгин вдруг почувствовал себя важным деятелем с неограниченными полномочиями. Перестал материться и не смотрел на людей — вроде и не слышал их и не видел.

— Николай, да тебе велели али как? — спрашивали. — Не сам ли уж надумал?

— Мешала она тебе?!

Подвыпивший кладовщик, Михаиле Беляков, полез под тросами к Шурыгину.

— Колька, ты зачем это?

Шурыгин всерьез затрясся, побелел:

— Вон отсудова, пьяная харя!

Михаиле удивился и попятился от бригадира. И вокруг все удивились и примолкли. Шурыгин сам выпивать горазд и никогда не обзывался «пьяной харей», что с ним?

Между тем бревна закрепили, тросы подровняли... Сейчас взрвут тракторы, и произойдет нечто небывалое в деревне — упадет церковь. Люди постарше все крещены в ней, в ней отпевали усопших дедов и прадедов, как небо привыкли видеть каждый день, так и ее...

Опять стали раздаваться голоса:

— Николай, кто велел-то?

— Да сам он!.. Вншь, морду воротит, черт.

— Шурыгин, прекрати своевольничать!

Шурыгин — поль внимания. И все то же сосредоточенное выражение на лице, та же неподкупная строгость во взгляде. Подтолкнули из рядов жену Шурыгина, Кланьку... Кланька немело — видела: что-то непонятное творится с мужем — подошла.

— Коль, зачем свалить-то хочешь?

— Вон отсудова! — велел и ей Шурыгин. — И не лезь!

Подошли к трактористам, чтобы хоть оттянуть время — побежали звонить в район и домой к учителю. Но трактористам Шурыгин посулил по бутылке на брата и наряд «на исполнение работ».

Прибежал учитель, молодой еще человек, уважаемый в деревне.

— Немедленно прекратите! Чье это распоряжение? Это семнадцатый век!..

— Не суйтесь не в свое дело, — сказал Шурыгин.

— Это мое дело! Это народное дело!.. — Учитель волновался, поэтому не мог найти сильные, убедительные слова, только покраснел и кричал: — Вы не имеете права! Варвар! Я буду писать!..

Шурыгин махнул трактористам... Моторы взревели. Тросы стали натягиваться. Толпа негромко, с ужасом вздохнула. Учитель вдруг сорвался с места, забежал с той стороны церкви, куда она должна была упасть, стал под стеной.

— Ответишь за убийство! Идиот!..

Тракторы остановились.

— Уйди-и! — заревел Шурыгин. И на нее у него встухли толстые жены.

— Не смей трогать церковь! Не смей!

Шурыгин подбежал к учителю, схватил его в беремья и понес прочь от церкви. Щуплый учитель вырывался как мог, но руки у Шурыгина крепкие.

— Давай! — крикнул он трактористам.

— Становитесь все под стену! — кричал учитель всем. — Становитесь!.. Они не посмеют! Я поеду в область, ему запретят!..

— Давай, какого!.. — заорал Шурыгин трактористам.

Трактористы усеузились в кабины, взяли за рычаги.

— Становитесь под стену! Становитесь все!..

Но все не двигалось с места. Всех парализовало неистовство Шурыгина. Все молчали. Ждали. Тросы натянулись, закрипели, затрещали, зазвенели... Хрустнуло одно бревно, трос, врезавшись в угол, запел балалаечной струной. Странно, что все это было хорошо слышно — ревели же три трактора, напрягая свои железные силы. Дрогнул верх церкви... Стена, противоположная той, на которую сваливали, вдруг разодралась по всей ширине... Странная, черная в глубине, рваная щель на белой стене пошла раскрываться. Верх церкви с маковкой поклонился, поклонился и ухнул вниз.

Шурыгин отпустил учителя, и тот, ни слова не говоря, пошел прочь от церкви, два трактора еще продолжали скрести гусеницами землю. Средний по высоте трос прорезал угол и теперь без толку крошил кирпичи двух стен, все глубже врезаясь в них. Шурыгин остановил тракторы. Начали по новой заводить тросы. Народ стал расходиться. Остались самые любопытные и ребятишки. Через три часа все было кончено. От церкви остался только невысокий, с неровными краями остов. Церковь лежала бесформенной грудой, прахом. Тракторы уехали.

Потный, весь в пыли и известке, Шурыгин пошел звонить из магазина председателю колхоза.

— Все, угорела! — весело закричал в трубку.

Председатель, видно, не понял, кто угорел.

— Да церква-то! Все, мол, угорела! Ага. Все в порядке. Учитель тут пошумел малость... Но! Учитель, а хуже старухи. Да нет, все в порядке. Гробанулась здорово! Покропилось много, ага. Причем они так: по три, по четыре кирпича — кусками. Не знаю, как их потом долбагать... Попробовал ломиком — крепкая, зараза. Действительно, литье! Но! Будь здоров! Ничего.

Шурыгин положил трубку. Подошел к продавщице, которую не однажды подымал ночами с постели — кто-нибудь приезжал из района рыбачить, засиживались после рыбалки у бригадира до вторых петухов.

— Видела, как мы церкву уговорили? — Шурыгин улыбался, довольный.

— Дурацкое дело нехитрое. — не скрывая злости, сказала продавщица.

— Почему дурацкое? — Шурыгин перестал улыбаться,

— Мешала она тебе, стояла?

— А чего ей зря стоять? Хоть кирпич добудем...

— А то тебе, бедному, негде кирпич достать! Идиот!

— Халява! — тоже обозлился Шурыгин. — Не понимаешь, значит, помалкивай.

— Разбуди меня еще раз посередь ночи, разбуди, я те разбужу! Халява... За халяву-то можно и по морде получить. Дам вот сейчас гирькой по кумполу, узнаешь халяву.

Шурыгин хотел еще как-нибудь обзывать дуру продавщицу, но подонили вездесущие бабы.

— Дай бутылку.

— Иди промочи горло-то. — заговорили сзади. — Пересохло.

— Как же — пыльно!

— Руки чесашь у дьявола...

Шурыгин поглядывался строго на баб, но их много, не перекричать. Да и злость их — какая-то необычная: всерьез ненавидят. Взял бутылку, пошел из магазина. На пороге обернувшись, сказал:

— Я вам прижму хвосты-то!

И скорей ушел. Шел, злился: «Ведь все равно же не молились, паразитки, а теперь хай устраниают. Стояла — никому дела не было, а теперь хай подняли».

Проходя мимо бывшей церкви, Шурыгин остановился, долго смотрел на ребятешек, копавшихся в кирпичках. Смотрел и успокаивался. «Вырастут, будут помнить: при нас церкву свалили. Я вон помню, как Васька Духания с нее крест своротил. А тут — вея грохнулась. Конечно, запомнят. Будут своим детникам рассказывать: дядя Коля Шурыгин зацепил троемни и... — Венючилась некстати продавщица, и Шурыгин подумал зло и непреклонно: — ? И нечего ей стоять, глаза мозолить?».

Дома Шурыгина встретили форменным бунтом: жена, не приготовив ужина, ушла к соседкам, хворая мать заругалась с печки:

— Колька, идол ты окаянный, грех-то какой взял на душу!.. И молчал, ходил молчал, дьяволина... Хоть бы занкнулся раз — тебя бы, может, образумили добрые люди. Ох горе ты мое горькое, теперь хоть глаз не кажи на люди. Проклянут ведь тебя, прокляну-ут! И знать не будешь, откуда напаста ждаты: то ли дома окочурился в одночасье, то ли где лесинной прижмет невзначай...

— Чего эт меня проклинать-то возьмется? От нечего делать?

— Да грех-то какой!

— Ваську Духанина проклиали — он крест своротил? Наоборот, большим человеком стал...

— Тада время было другое. Кто тебя счас-то подталкивал — рушить ее? Кто? Дьявол зудил руки... Погоди, тебя ишо сама власть взгреет за это. Он вот, учитель-го, пишет, сказывали, он вот напишет куда следоват — узнаешь. Гляди-ко, тогда устояла, матушка, так он теперь панелся. Идол ты дуноглазый.

— Ладно, лежи хворай.

— Глаз теперь не кажи на люди...

— Хоть бы молиться ходили! А то стояла — никто не замечал...

— Почто это не замечали! Да, бывало, откуда ни идешь, а ее уж видишь. И как ни пристанешь, а увидишь ее — вроде уж дома. Она сил прибавляла...

— Сил прибавляла... Ходят они теперь пешком-то! Атомный век, понимаешь, они хватились церкву жалеть. Клуба вон нету в деревне — ни один черт ни охнет, а тут — загоревали. Переживут!

— Ты-то переживи теперь! Со стыда теперь усохнешь...

Шурыгин, чтобы не слышать ее ворчанья, ушел в горницу, сел к столу, налил сразу полный стакан водки, вышил. Закурил. «К кирпичам, конечно, ни один дьявол не притронется, — подумал, — Ну и хрен с ними! Стребу бульдозером в кучу и пусть крапивою зарастает».

Жена пришла поздно. Шурыгин уже донил бутылку, хотелось вынить еще, но идти и видеть злую продавщицу не хотелось — не мог. Попросил жену:

— Сходи возьми бутылку.

— Пошел к черту! Он теперь дружок тебе.

— Сходи, прошу...

— Тебя просили, ты послушал? Не проси теперь и других. Идиот.

— Заткнись. Туда же...

— Туда же! Туда же, куда все добрые люди! Неужели туда же, куда ты, харя необразованная? Просили, всем миром просили — нет! Вылушил шары-то свои...

— Замолчи! А то онояшу разок...

— Оноянь! Тронь только, харя твоя бесстыжая!.. Только тронь!

«Нет, это, пожалуй, на всю ночь. С ума походили все».

Шурыгин вышел во двор, завел мотоцикл... До района восемнадцать километров, там магазин, там председатель колхоза. Можно вынить, поговорить. Кстати, рассказать, какой ему тут скандал устроили... Хоть посмеяться.

На повороте из переулка свет фары выхватил из тьмы безобразную грудку кирпича, пахнуло затхлым духом потревоженного подвала.

«Семнадцатый век, — вспомнил Шурыгин, — Вот он, твой семнадцатый век! Писать он, видите ли, будет. Ниши, ниши».

Шурыгин надал газку... и пропел громко, чтобы все знали, что у него — от всех этих проклятий-прекрасное настроение:

Что ты, что ты, что ты, что ты!

Я солдат девятой роты,

Тридцать первого полка...

Оп, тирдар-пуния!

Мотоцикл вырвался из деревни, воткнул в ночь сверкающее лезвие света и помчался по накатанной ровной дороге в сторону райцентра. Шурыгин уважал быструю езду.

Василий Шукшин — советский актёр, кинорежиссёр, сценарист, писатель.

Вариант 2

Эдуард Асадов

Неравенство

Так уж устроено у людей,
Хотите вы этого, не хотите ли,
Но только родители любят детей
Чуть больше, чем дети своих родителей.

Родителям это всегда, признаться,
Обидно и странно. И всё же, и всё же
Не надо тут, видимо, удивляться
И обижаться не надо тоже.

Любовь ведь не лавр под кудрявой, кущей,
И чувствует в жизни острее тот,
Кто жертвует, действует, отдаёт,
Короче: дающий, а не берущий.

Любя безгранично детей своих,
Родители любят не только их,
Но иное ещё то, что в них было вложено:
Нежность, заботы, труды свои,
С невгодами выигранные бои,
Всего и назвать даже невозможно!

А дети, приняв отеческий труд
И становясь усталыми «детками»,
Уже как должное всё берут
И покровительственно зовут
Родителей «стариками» и «предками».

Когда же их ласково пожурят,
Напомнив про трудовое содружество,
Дети родителям говорят:
— Не надо, товарищи, грустных тирад!
Жалоб поменьше, побольше мужества!

Да, так уж устроено у людей,
Хотите вы этого, не хотите ли,
Но только родители любят детей
Чуть больше, чем дети своих родителей.

И всё же — не стоит детей корить,
Ведь им не всегда щебетать на ветках,
Когда-то и им малышкой растишь,
Всё перечувствовать, пережить
И побывать в «стариках» и «предках»!

Эдуард Аркадьевич Асадов — русский советский поэт и прозаик.

Эдуард Азадов в своем стихотворении "Нравственность" решил раскрыть банальную и по сей день тему любви, а если более конкретно, то вопрос о родительской любви родителей и детей, которую он и сам "нравственной", о чем говорит название самого произведения. Поэт говорит: "Но только родительская любовь детей куда больше, чем дети своих родителей." А далее он решает аргументировать свое высказывание, ведь оно и вырывается не безосновное.

Азадов строит свое мнение на таких фразеологизмах, как: "И чувствуют в душе острее тот...", "Родители любят не только их...", "Уже как должное берут...". В этих неслыханных цитатах на самом деле кроется огромное количество смысла. Поэт достаточно компактным образом раскрывает все приемы своих вальсов. Но все ли настолько поверхностно, как кажется?

Почему же родительская любовь детей больше, чем дети их? Поэтому что, как пишет Азадов, они вытискивают в них: "Ничто, забота, труды свои, с извещением вытискивает бои". Ребенок и его воспитание - гонимый, к которой любовь далеко не каждой, именно это автор подразумевает под "боями". Для родителей дети - вытискивают часть их души, их родную кровь, а самое главное и немаловажное охраняемое значение - продолжение их души, их рода.

Почему же в таком случае дети любят "родителей" меньше и меньше их так любить, не проявляя своего уважения? Родители с ними с самого начала их души, постоянно окружают их любовью, а уже этого во времени ребенок начинает привыкать к такому количеству любви. Ему не нужно стараться для того, чтобы получить заботу, поддержку и внимание, поэтому для детей это становится чем-то естественным, к чему не надо стремиться, он воспринимает это, как вытискивает из себя, "за должное". В свою очередь для взрослых вкладывать столько сил в кого-то - труд, который они только вытискивают, ведь "чувствуют острее тот, кто чувствует, действует, острее", а и эти строки посвящаются именно им, ведь такая естественная ответственность - признак цивилизации, который должен обладать каждой.

Но самое интересное Азадов в том, что такое "нравственное" абсолютно нормально, и с ним не стоит изучать или бороться. Он не хочет сказать, что дети не любят своих родителей, а даже скорее наоборот подаете доказательства до нас то, что они тоже любят, просто им уже тяжело понять все то, что уже переживают их "старшие" и что они чувствуют, потому что взрослые не боятся

В своей судьбе. Именно об этом и писал последний эпизод, где автор пишет,
что, как мне нужно жить, бороться и, наконец, жить. И пройти через то же
самое, что и на родине.

28-15-0-3-7-

50.

